

РОССИЯ КАК «ДРУГОЙ»: К ВОПРОСУ ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОЦЕНКИ

Теория идентичности, одной из ключевых категорий которой является «Другой», активно развивается в общественных и гуманитарных научных дисциплинах на протяжении, по крайней мере, последних пятидесяти лет. Сформировавшаяся изначально в рамках психоанализа в начале XX века (хотя в методологическом плане линия «Фрейд–Лакан–Жижек» представляется исключительно интересной, однако весьма значительные эвристические возможности в развитии теории идентичности демонстрируются возрастной, социальной и политической психологией соответственно с середины 1940-х, 1960-х и 1980-х годов) и получившая в то же время активное распространение в антропологии, в социологию теория идентичности в рамках символического интеракционизма проникла в 1930-е годы, в культурологию — в 1950-е, а в политические науки — в начале 1960-х годов.

Фактически три десятилетия в рамках политической науки обсуждение проблем идентичности концентрировалось вокруг возможности прогнозирования электорального поведения на основе определения «близости» к той или иной политической партии или взглядам политиков. Принципиально ситуация изменилась в 1990-х годах, когда круг обсуждаемых проблем теории идентичности в политологии значительно расширился за счет оценки изменения характера идентичности в условиях глобализации, создания новых надгосударственных и межгосударственных организаций, прекращения «холодной войны», замены теории классовой борьбы теорией социального партнерства, когда «другой» больше не может (или, по край-

ней мере, не должен) рассматриваться как «чужой» или «враг». Кроме того, расширился список объектов для политической самоидентификации; помимо роли идеологий, партий и политических лидеров в становлении политической идентичности аналитики стали обсуждать вопросы о значении этнической, региональной, конфессиональной, общегражданской и т. д. самооценки людей и о тех условиях, при которых модели социальной идентичности политизируются¹.

В концепциях исследователей мы можем встретить существенно отличающееся отношение к категории «Другой». Некоторые авторы полагают, что определение «Другого» (более точно — «значимого Другого», например, у Ж. Лакана) является обязательной стадией развития личности индивида, так как самооценка, определение «Я» возможно только после прохождения стадии «зеркала». Другие авторы, например Э. Левинас, И. Нойман², обращают внимание на тот факт, что в процессе всей жизни люди вынуждены самоопределяться в системе отношений «Я–Другой», и акцентируют внимание именно на их противоположных характеристиках. Таким образом, разворачивается дискуссия вокруг противоречия: «Другой» — это «альтерэго» или «Другой» — это то, чем «Я» не являюсь. В любом случае признается, что сосуществование «Я» с «Другим» не может быть гармоничным, идиллическим проявлением единения и симпатии, в противном случае «Другой» перешел бы в категорию «Свой».

Аналогичным образом возникают проблемы и в том случае, когда мы выходим за рамки обсуждения становления личности индивида и обращаемся к коллективной политической идентичности, с той только разницей, что на уровне массового сознания система «Я–Другой» заменяется моделями «Свои–Чужие» или «Мы–Они». Особенности политической идентификации проявляются в политическом дискурсе (политический дискурс одновременно является не только «маркером» для определения политических взглядов, но и очень эффективным инструментом их форми-

рования). Но на уровне массового сознания при формировании политической идентичности, определения «Нас», «Другого» возможности приоритетного влияния сохраняются за государством, политическими институтами. Власть политического дискурса, особенно дискурса официального, диктует нам, имеем ли мы право/должны ли мы ощущать себя патриотами, демократами, «счастливыми людьми, живущими в стране, где жить становится все лучше и лучше», сторонниками идеи панславянского братства и т. д., и т. д.

В условиях, когда политкорректность и толерантность позиционируются как нормы политического мышления, достаточно рискованно само обсуждение проблемы России как «Другого». Однако анализ политического дискурса, тем более, дискурса официального, убеждает нас, что тема эта остается исключительно острой. Весьма показателен такой частный пример, как появившаяся сразу после проведения саммита G8 в Санкт-Петербурге летом 2006 г. в американской “New York Times” заметка со следующими комментариями: «На свет появилась более дерзкая Россия. Вместо того чтобы беспокоиться о том, является ли она в полном смысле европейской страной, Россия дала понять, что собирается использовать имеющуюся у нее власть и не будет слушать поучения Запада. “Ситуация изменилась невероятно, — говорит Эндрю Качинс, сотрудник Фонда Карнеги в Вашингтоне. — За 15–20 лет мы как-то забыли, какие они, русские. А теперь они снова ведут себя по-русски”»³. Очевидно, что «вести себя по-русски» — не территориальное, а цивилизационное понятие. «Они» — русские, Россия — смеют быть не просто объектом влияния, стремящимся к западному образцу. Россия в данном случае выступает не только не как «аналоговый объект», даже не просто как «Другой», но как инородный политический субъект, имеющий волю, интересы и ресурсы для их реализации.

Название данной небольшой статьи предполагает использование традиционной оценки отношения к нашему государству рядовых граждан и элитных групп зарубежных стран с выделением определенных территориальных зон — либо с учетом расстояния (страны ближнего и дальнего зарубежья), либо по принципу степени позитивного или негативного восприятия нашего государства (в системе «союзники–нейтральные–потенциальные противники–враги»). Подобное деление по второму признаку в современных политических условиях, безусловно, утрачивает значение, особенно с учетом того обстоятельства, что представители высшей исполнительной власти в Российской Федерации неоднократно заявляли об отсутствии даже потенциальных противников у нашей страны, не говоря уже о врагах.

Вместе с тем история XX века, особенно его последних двух десятилетий, наглядно показала, что образ России как врага был исключительно эффективно использован политическими элитными группами (в равной степени и находящимися у власти, и стремящимися к ней) в странах Восточной Европы не только для консолидации своего электората, но и для выработки общего внутри- и внешнеполитического курса собственного государства.

Россия как значимый политический игрок не только регионального, но и общепланетарного уровня продолжает выступать в качестве маркера для общеевропейской идентичности. Так или иначе, фиксируется скрытое противостояние России и других государств при обсуждении вопроса об экономической независимости европейских стран от поставок российских нефти и газа (так называемая энергетическая безопасность) или металла (особенно алюминия). Традиционно обсуждается вопрос о том, является ли Россия частью Европы. Давно «кануло в лету» отнесение России к Европе на том основании, что русские исповедуют христианство, как и времена, когда русских могли именовать «скифами», «татарами» или «калмыками»,

но с маниакальным упорством за Россией признают лишь азиатскую, то есть варварскую сущность. Современные «европейские представления о России демонстрируют выраженную склонность трактовать русских как лиминарный (пограничный) случай европейской идентичности»⁴. Совершенно очевидно, что подобная установка возможна лишь в одном случае — если Россия воспринимается как «Другой», причем авторы не скупятся на использование аналогий с образом нашего государства в далеком прошлом.

Если на уровне устойчивых мифологем в массовом сознании наших сограждан и в официальном российском политическом дискурсе достаточно легко проводятся параллели России начала XXI столетия с Россией Петра I, Киевской Русью или Московией периода «собирания земель» (как удачно сочетаются эти образы с идеями славянского единства и приоритетной ролью Русской православной церкви в создании государства!), то для западного обывателя и русистов-политологов исключительно удобным оказывается отождествление современного государства с Россией времен Ивана Грозного и СССР периода правления Сталина.

После 1991 г. социологи и политологи из стран Балтии с явным удовольствием использовали расистский дискурс о дикости и нецивилизованности русских, объединяя под этим маркером все народности, этнические группы, проживающие на территории Российской Федерации. Более того, западные политики подменяют понятие «государственник» понятием «националист» и продолжают высказывать с начала 2000-х годов опасения по поводу «новой военной угрозы со стороны России» в случае, если националисты придут к власти. Либеральный и прозападно настроенный третий президент РФ Д. А. Медведев подобных страхов пока вызывать не должен. Впрочем, это не помешало, например, руководителям Литвы обвинить Россию в создании угрозы национальной безопасности Грузии уже после процедуры инаугурации третьего президента РФ.

Подобный взгляд удивительным образом сочетается с отношением к постсоветской России как к ученику, который должен добросовестно скопировать европейские и американские политические институты, перенять нравы и традиции, позаимствовать формальные экономические и неформальные политические практики Запада. Именно с этим связывается возможность снижения «угрозы с востока», то есть подсознательно наша страна все еще воспринимается как «Другой» в ранге «врага».

Образ «врага», помимо деструктивных функций, выполняет также конструктивную функцию, способствуя консолидации вокруг базовых ценностей группы, ее лидеров и преодолению имеющихся внутренних разногласий. Отношение к представителям другой политической ориентации как к врагам включает в себя психологическое неприятие, отторжение, предполагает агрессивность поведения, направленного на устранение противника. Это проявляется в разговорном языке, в системе образов, стереотипов, идеологических шаблонов и штампов, которыми оперирует массовое сознание. Групповое сознание воспроизводит упрощенную полярную модель мира и конкретной ситуации, при этом используется конфронтационная лексика («идейный враг», «оплот коммунизма», «чикагские мальчишки» и т.д.). Все неприемлемое для данной группы приписывается противоположной стороне, способствуя «канализации» существующих проблем, сохранению и консолидации групповых ценностей.

В большинстве восточно-европейских стран, находившихся после Второй мировой войны в зоне влияния СССР, в 1980-х годы различие между «они — мы» «читалось» очень легко, поскольку «они» предполагало указание на свои властные структуры, правителей, коммунистический режим, а «мы» — на нацию, общество, неполитическую частную жизнь. В 1990-х годах принцип деления изменился. На рубеже 1980-1990-х годов, когда оппозиция, стремящаяся к власти, воспринималась как единое антикоммунистическое движение, дилемма «они — мы» на короткий срок трансфор-

мировалась в «наше – мы»⁵. Однако для консолидации любой группы нужен если не враг, то хотя бы «Другой». Россия на эту роль подходит идеально. Пришедшая в Восточной Европе к власти оппозиция эксплуатировала негативный образ России фактически на протяжении двадцати лет (на этих лозунгах выросло уже целое поколение), проводя знак равенства между антироссийскими, антикоммунистическими идеями и идеей собственной государственной независимости.

Исключительно показательным в этом отношении интервью Леха Качиньского, данное им за два месяца до инаугурации корреспондентам Newsweek Polska в ноябре 2005 г. и напечатанное в русской версии этого журнала. Президент Польши заявил: «Не исключено, что именно мы, польские консерваторы, сможем стать наилучшими партнерами для России. У консерваторов больше исторических прав на компромисс с Россией, чем у левых». Но разве применительно к диалогу с партнерами, союзниками говорят о «компромиссе»? Конечно, нет. Компромисс возможен только с врагами, причем не самыми сильными... И дальше: «И в свою очередь мы надеемся, что надежды большинства россиян сбудутся, и Россия станет полноправным членом великой семьи европейских народов»⁶. За стремлением выстроить фразу дипломатично легко угадывается установка президента Польши: «мы — Европа, вы — нет». Совсем открыто эта установка прозвучала в 2007 г. из уст посла Эстонии в Москве («А мы и есть Европа!»), когда в ходе бурных дискуссий по поводу переноса Бронзового солдата из центра Таллина на территорию кладбища был задан вопрос о том, куда смотрит Европа, как европейские державы не осудят подобные действия.

Важно отметить, что крайне неудачно звучащее на русском языке словосочетание «суверенная демократия» (калька с англоязычного выражения, являющегося синонимом обозначения западных демократических стран), столь активно навязываемое нашими официальными лицами СМИ

в прошлом году — достаточно полистать опубликованный издательством «Европа» шестисотстраничный том «PRO суверенную демократию», только дополнительный тираж которого составил 10000 экземпляров (в постсоветской России показатель запредельный, космический!), — во многом было следствием негативной реакции российского политического истеблишмента на сформированный в 1990-х годах «комплекс ученика». Настал момент, когда российский политический класс, по крайней мере в публичных заявлениях, вновь стал позиционировать Россию как великую европейскую державу (частота использования самого этого слова в последние 5–6 лет резко выросла), равную другим великим европейским державам (преимущественно «старым», западным) — Великобритании, Франции, Германии...

Однако еще 4–5 лет назад подобные тонкости российскую политическую элиту не волновали. Достаточно вспомнить основной тезис Послания Президента Путина РФ Совету Федерации 2003 г. — «удвоить ВВП и догнать Португалию» (не самую развитую страну Европы!) или принятое в 2004 г. решение Государственной думы об отмене официального празднования 7 ноября и провозглашение «красным днем календаря» 4 ноября — дня народного единства (совпадает с праздником иконы Казанской божьей матери и условной датой победы над поляками в период смуты), по поводу которого многие россияне в ходе опросов общественного мнения высказались весьма скептически в духе: «Нашли над кем победу праздновать. То же мне — масштабный враг...»

Итак, специфика России как «Другого» для Европы с точки зрения жителей европейских стран заключается в отличиях, которые воспринимаются как аномалия (аналогично — отличия между православной и католической ветвями христианства воспринимаются подчас более остро, чем отличия разных мировых религий). Россия воспринимается амбивалентно: она — «Другой», потому что она — либо враг, либо — «недо-» (логика бо-

лее чем оригинальна: страна не может считаться частью Европы, потому что слишком недавно стала ее частью!)⁷. В то время как в российском политическом дискурсе ключевой темой применительно к нашей стране уже пять лет является стабильность, для западных аналитиков остается — переходный период. Россия воспринимается как «Другой», потому что неоправданно акцентируется ее пограничное состояние в территориальном и временном аспектах.

Более того, инаковость России фактически эксплуатируется для поддержания европейской идентичности, которая не менее амбивалентна, спорна, чем российская. Достигается это за счет декларации негативных моральных оценок политической истории, режима, трактовки принципов организации политической жизни нашей страны в прошлом и настоящем. Здесь мы тоже вступаем в зону «двойных стандартов». Оценка деятельности власти во всем мире осуществляется прежде всего на основе критерия эффективности. России ставится в вину то, что она — другая, другая цивилизация, другая организация жизни... Парадокс заключается в том, что как только российские политики выбирают стратегию вторичной модернизации по образцу западной, с ней перестают считаться и начинают воспринимать снова как «Другого» — но уже как упрямого и нерадивого ученика. Тезис о необходимости для нашей страны стать «особой частью Европы» в данном случае абсолютно бесперспективен.

Помимо рассуждений, почему Россия неизбежно выступает вечным «Другим» для иных стран, есть еще один исключительно интересный аспект для анализа — отношение граждан самой России к своему государству как к «Другому». Поиск ответа на вопрос о том, является ли российское государство «своим» для большинства населения, требует рассмотрения нескольких аспектов: стереотипов массового сознания, официального политического дискурса.

Одним из первых, кто стал обсуждать эту проблему во второй половине 1980-х годов, был Дж. Дер Дериан⁸ (он использовал категорию «отчуждение» (estrangement)). Однако, согласно его взглядам, современному государству в качестве «Другого» противостоят чаще всего иллюзорные общности, так как «нас» — коллективных общностей внутри государства — фактически не существует, поскольку большинство людей ставят свое privacy превыше всего. И не важно, в какой форме это проявляется: уходит ли человек в ирреальное пространство Интернет-сети, проводит время в клубах или пытается вырастить урожай на своих «шести сотках», чтобы улучшить материальное положение своей семьи.

Справедливости ради отметим, что проблема отчуждения (экономического и политического) встречается уже в ранних работах К. Маркса. Не обладая контролем (правом собственности) над средствами производства, но, являясь основной производительной силой, обеспечивающей богатство отдельных групп и благополучное существование государства как аппарата насилия, люди оказываются заложниками этой ситуации. Они не могут должным образом поддерживать свое существование, однако до определенного момента — пока не сформировано классовое сознание (превращение из «класса в себе» в «класс для себя») — они направляют свой гнев на ложные цели. Проблема отчуждения в марксизме имеет два аспекта — объективный и субъективный. Объективно отчуждение связано с невозможностью большинства жителей страны оказывать влияние на экономические и политические процессы, субъективно — с сознательным дистанцированием от всего, что не связано непосредственно с условиями существования человека.

При оценке российской реальности было бы проще всего объяснить все тем обстоятельством, которое социологи выяснили еще в 1970-х годах: в любом государстве вне зависимости от его административного устройства, политического режима, уровня социальных гарантий и обеспечения

гражданских свобод около 3–5% населения фактически являются диссидентами и относятся негативно к своей стране, воспринимая ее как нечто внешнее, чуждое себе, отрицая политическое устройство и нормы политической жизни. Однако в нашем случае ситуация несколько сложнее.

Во-первых, в массовом сознании россиян еще в XIX сформировалось, а в сталинское время закрепилось разделение образов «страны» и «государства». Первый образ воспринимался как родина, отечество, второй — как контролирующий и ограничивающий аппарат насилия, действующий в интересах очень узкой группы людей. Очень часто объектом патриотических настроений и чувств выступает «родная страна», но не «это государство».

Интересное наблюдение: в 1990-х годах фактически у всех социальных групп в качестве устойчивого речевого штампа появилось выражение «эта страна», что показывало внутреннюю дистанцированность, отчуждение, стремление выйти из ситуации, так или иначе связанной с процессами уничтожения советского порядка, с ростом тревожности, отсутствием чувства безопасности, социальным неблагополучием в России. Из речи простых россиян этот штамп исчез примерно к 2003 г., однако с экранов телевизора во время разнообразных политических ток-шоу из уст известных людей до сих пор звучит «эта страна». Возникает вопрос, может ли политический истеблишмент, лидеры общественного мнения, представители списка успешных бизнесменов-миллионеров работать на благо страны, отстаивать ее интересы, если они не считают ее своей? Вопрос риторический и ответ предполагается только один — отрицательный.

Во-вторых, большинство населения страны объективно являются государственниками. Ощущение мощи (экономической, политической, военной) своей страны является значимым не менее чем для 2/3 россиян. И это притом, что с начала 1990-х годов ни один (кроме президента, рейтинги доверия и поддержки которого с 2000 г. не опускались ниже 64%) инсти-

тут государственной власти (включая силовые структуры, судебные органы, законодательные органы федерального и регионального уровня и т.д.) не имеет поддержки более 35% россиян⁹. Показатели по Санкт-Петербургу несколько отличаются. Так, например, уровень доверия правительству РФ достигает 43%, а федеральным службам безопасности — 52%! Но данные отклонения легко объясняются, если взять в расчет биографию В. В. Путина (в том числе первую профессию) и Д. А. Медведева, а также учесть их место рождения.

Интересные данные дают ежегодные телефонные опросы «Политический Петербург» (Регулярные опросы проводит Центр эмпирических политических исследований факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета с 1995 г. Объем выборки — не менее 1111 респондентов, выборка случайная с контролем по квотам пола, возраста, образования и доли занятых в общественном производстве/социальных иждивенцев. Ошибка выборки не превышает 3%.), показывающие из года в год, что вне зависимости от политических ценностей, разделяемых горожанами, не менее 67% респондентов признают приоритет интересов государства над интересами личности. И это притом, что только 7% петербуржцев полагают, что могут оказывать влияние на власть. Хотя доля петербуржцев, ориентирующихся на примитивные уравнительные стандарты социальной справедливости, очень невелика и составляет менее 5%, однако более 85% полагают, что именно государство (а не сами люди!) должно создавать условия для своей благополучной жизни.

В-третьих, образ России как «Другого» достаточно активно используется в настоящее время радикальной либеральной оппозицией как средство позиционирования в политическом пространстве. Наглядный пример — «Другая Россия». Конечно, выбор подобного названия связан и с необходимостью противопоставления данного движения парламентским партиям «Единая Россия» и «Справедливая Россия», молодежным организациям

«Молодая Россия», «Наши» и «Идущие вместе». Но большинством обывателей восприниматься он будет негативно, поскольку «прочитывается» как дистанцирование именно от них, рядовых граждан России.

В-четвертых, у самой российской элиты нет обоснованного отношения к истории нашей страны, современные идеологи все время путаются в выборе идеального временного отрезка (весьма красноречиво говорит об этом реклама телевизионного проекта: «Будущее мы уже выбрали, пора выбирать прошлое»). За последние восемнадцать лет в этом качестве постулировались практически все этапы становления Руси, кроме советского. Впрочем, и здесь грядут перемены. Выбор в качестве гимна новой России переделки старого гимна сталинско-брежневской эпохи («Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...») говорит о многом. Потребность в апелляции к «той России», невозможность найти реальную идеологическую опору для государства в настоящем интуитивно ощущается российским политическим истеблишментом. Но эклектичный выбор символов современного российского государства (двуглавый орел в качестве герба, модифицированный гимн советской эпохи, андреевский флаг и т. д.) весьма символичен.

В-пятых, активно навязываемая государственной пропагандой идея социального партнерства вряд ли найдет отклик в сердцах большинства россиян. Экономическое неравенство дотационных регионов и регионов-доноров (например, в нечерноземных областях центральной России средняя заработная плата не превышает 7–8 тысяч рублей, в Санкт-Петербурге она превысила 19 тысяч рублей, в Свердловской области — 15 тысяч рублей, в Москве — 28 тысяч рублей и т. д.), которое пытаются нивелировать за счет присоединения первых ко вторым, проблему не решит. Как не решит ее и активно внедряемая в сознание обывателей идея единства (фактически тождества) интересов политической администрации, собственников и наемных работников. В этом смысле исключительно показательна форма

организации первомайской демонстрации в этом году в центре Санкт-Петербурга, когда по Невскому проспекту до Дворцовой площади тремя колоннами проследовали представители региональной исполнительной и законодательной власти, «Единой России» и так называемых независимых профсоюзов, а оппозиции в лице КПРФ и других движений дали возможность протий по Невскому четыре десятка метров до улицы Марата, а потом — боковыми улицами — подальше от центра до ТюЗа

В-шестых, провальная реформа российского законодательства 1990-х годов (эту проблему пообещал решить в ближайшее время третий президент РФ Д. А. Медведев) объективно ухудшила права граждан, снизила барьер их правовой защиты и т. д.

Список проявлений и причин отношения рядовых граждан и элитных групп к России как к «Другому» можно продолжить. Но важно другое. Сохранение подобной ситуации делает шансы нашей страны на действительное возрождение весьма призрачными, а использование в качестве рычага давления на массовое сознание с целью сплочения граждан негативного образа России, сформированного в других странах, проблему решить не может. Отношение к нашей стране как к «Другому» одновременно и извне и изнутри страны значительно осложняет эффективность продолжающихся реформ в России.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, образ «Другого», массовое сознание, общественное мнение, дискурсивные практики, официальный политический дискурс, Россия, Европа.

Key words: Identity, Identification, “Something Else” Image, mass opinion, official political discourse, European identity, Russian Identity.

Аннотация: В статье анализируются трактовка России как «Другого» с точки зрения политического истеблишмента и населения европей-

ских государств и нашей страны. Автор выделяет причины данного явления и показывает неэффективность традиционных методов его преодоления.

Summary: In this article there are discussed Russian Identity, “Something Else” Image of Russia by political elite groups and citizens. The author analyzes the reasons of ambivalent relations to Russia.

¹ См., например: Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. СПб.: Норма, 2005; Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции / Демократия и федерализм в России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 104–132; Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.: Летний сад, 2003; Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.). М.: Аспект Пресс, 2004; Крамник В. В. Россия — поиск идентичности // Россия и планетарные процессы / Под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002; Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.

² См.: Нойман И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое изд-во, 2004. С. 29–45.

³ // Цит. по: Они о нас // Коммерсант-Власть. 2006. №29 (683). 24 июля. С.44.

⁴ Нойман И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое изд-во, 2004. С. 102.

⁵ Fras J. Political Discourse as an Expression of the Polish Political Culture after 1989 / The Political Culture of Poland in Transition // Ed. by A. W. Iablonski, G. Meyer. Wroclaw, 1996. P. 157.

⁶ См.: Лех Качиньский: Консерваторы — лучшие партнеры для России // Русский Newsweek. 2005. 31.10–06.11. С. 34.

⁷ Об этом подробно см.: Нойман И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое изд-во, 2004. С.153–155.

⁸ См.: Der Derian J. On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement. Oxford: Blackwell, 1987.

⁹ Подробно о результатах общероссийских исследований см.: Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ) 1992–2002 гг. М.: РОССПЭН, 2003.